

РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О СУДЕ, СУДОПРОИЗВОДСТВЕ В БУРЯТСКОМ ОБЩЕСТВЕ В XIX в. И ОРГАНЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ БУРЯТ

Учреждение инородческого самоуправления в Сибири посредством «Устава об управлении инородцев» 1822 г. стало основой не только становления и развития местного самоуправления сибирских народов (бурят, хакасов, якутов и тунгусов), но и создания вертикали власти в Российской империи. В статье рассматривается эволюция проблемы на законодательном уровне. Так, согласно Уставу инородные управы и родовые управления наделялись правом осуществления суда и судопроизводства. Родовое управление представляло собой первую степень суда словесной расправы, инородная управа – вторую степень, а третью степень составляла местная полиция. Степные думы не имели значения словесных судов, а выступали как посредники. В случае неудовлетворенности решением суда родового управления или же при разборе дела между людьми разных улусов, родов, дело передавалось на рассмотрение суда инородной управы.

Ключевые слова: Устав М.М. Сперанского; суд и судопроизводство у бурят; инородческое самоуправление; Свод степных законов.

Возрождение российских традиций местного самоуправления началось с принятия Федерального Закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. Реализация реформы выявила многие проблемы в местном самоуправлении: финансовая несамостоятельность, слабая финансово-экономическая база, вопросы разграничения полномочий в области социальной политики, недостаточное взаимодействие с государственными органами, слабый учет национальных особенностей регионов и т.д.

В связи с этим становится актуальным обращение к историческому опыту прошлого, исследование истории местного самоуправления в Российском государстве, составной частью которого является инородческое самоуправление в Сибири, учрежденное по «Уставу об управлении инородцев» 1822 г. для сибирских народов (бурят, хакасов, якутов, тунгусов). Обобщение исторического опыта местного самоуправления, изучение истории формирования, развития и деятельности органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. являются актуальными для современного общества в плане успешной реализации реформы местного самоуправления.

Проблема местного самоуправления бурят получила серьезное воплощение в современном российском источниковедении [1, 2] и историографии [3].

В связи с этим становится актуальным обращение к историческому опыту правовой системы аборигенных народов, в данном случае судебной системы бурят, основанной на нормах обычного права. До присоединения Бурятии к России все виды преступлений и правонарушений у бурят регулировались нормами обычного права. Со времени присоединения Бурятии к России постепенно усиливается влияние российского законодательства, а «Инструкцией пограничным дозорщикам» Фирсову и Михалеву графа С.Л. Владиславича-Рагузинского 1728 г. были изъяты из ведения инородных властей так называемые криминальные дела.

«Устав об управлении инородцев» 1822 г. в этом отношении существенных изменений не внес. «В уголовных только преступлениях, – говорится в Уставе, –

кочующие судятся в присутственных местах и по общим государственным установлениям» [4. С. 396]. Местные органы не могли рассматривать такие уголовные дела, как: «1) возмущение; 2) намеренное убийство; 3) грабеж и насилие; 4) изготовление ложной монеты и вообще похищение казенного и общественного имущества» [Там же. С. 396]. Все прочие преступления, включая кражу, считались исковыми и решались инородными властями.

Незначительные изменения в судопроизводство инородцев были внесены Уложением о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 г. [Там же. С. 401], согласно которому все кочующие и бродячие сибирские инородцы за преступления и проступки менее важные судились по их обычаям и приговаривались к наказаниям по общим законам империи, если преступление или проступок совершены не в местах их кочевья, а в городе, селениях.

Интерес представляет также Положение Сибирского комитета от 4 июня 1853 г. «О порядке избрания Сибирских инородцев Западной и Восточной Сибири в должности, замещаемые по выбору», по которому разрешалось «избирать инородцев не моложе 21 года, имеющих собственное хозяйство и не только не порочных судом и не оглашенных в дурном поведении, но и не состоящих под судом и следствием» [5. С. 297].

После крестьянской реформы 1861 г. были приняты Судебные уставы 1864 г., которые внесли серьезные изменения в систему судостроительства и судопроизводства Российского государства. Они вводили формальную несменяемость судей и независимость суда от администрации, гласность и публичность заседаний суда, состязательный процесс, институты адвокатуры, присяжных заседателей, выборный мировой суд и т.д. Однако на инородческий суд эти реформы влияния не оказали.

В 1885 г. были приняты «Временные правила о некоторых изменениях по судопроизводству в губерниях Тобольской и Томской, Восточной Сибири и Приамурском крае» [6. С. 80–86], согласно которым все жалобы на управы и суды волостные, станичные и инородческие приносились на окружные суды. Иско-

вые дела рассматривались в окружных судах только после рассмотрения во всех степенях суда словесной расправы и производились по правилам, изложенным в Законах гражданского судопроизводства. В порядке судопроизводства инородные управы подчинялись окружному суду, и жалобы в них решались окончательно, с соблюдением годового срока, по истечении которого не принимались.

Таким образом, в судебном законодательстве инородцев в рассматриваемый период существенных изменений не произошло и Устав об управлении инородцев 1822 г., изъявший криминальные дела из ведения инородческих властей и узаконивший степные законы и обычаи, являлся основным документом, на который опирались все инородческие органы в своей судебной деятельности.

«Устав об управлении инородцев» 1822 г. провозгласил, что «все кочующие и бродячие инородцы управляются по их собственным степным законам и обычаям» (§ 68). В связи с тем что законы и обычаи в каждом племени имели некоторые отличия, «притом же сохраняясь поныне через изустные предания, могут быть сбивчивы и неопределенны», местному начальству «предоставлялось от почетных людей собрать полные и подробные о сих законах сведения, рассмотреть оные по губерниям в особых временных комитетах, смягчить все дикое и жестокое, отменить несообразное с другими установлениями и расположив в надлежащем порядке, представить местному Главному управлению на утверждение» [4. С. 398].

В дальнейшем утвержденные степные законы предполагалось напечатать на русском языке, представить их в Правительствующий Сенат, не допускать никаких изменений и руководствоваться ими в делах кочующих и бродячих инородцев, пока не будет надобности изменения их управления.

После принятия Устава начинается длительный процесс кодификации норм обычного права бурят. В 1823 г. во исполнение § 68 Устава 1822 г. были собраны сведения обо всех обычаях и законах инородцев и направлены чиновники на места для их проверки. Так, в марте 1823 г. Иркутское губернское правление предписывает инородческим ведомствам собрать «письменные сведения о законах ваших в каком бы они виде не были, и сверх того описали подробно все обычаи и домашние разбирательства, хотя по преданиям еще у вас известных, сколько при всем вашем усердии собрать можете с тем, однако же, чтобы они основаны были на самой справедливости и точной верности в изложении» [7. Л. 1–2].

В Иркутске в 1823–1824 гг. работает Временный комитет по рассмотрению проекта степных законов, в состав которого вошли почетные родоначальники бурятских ведомств. На заседания Комитета вызывались депутаты от каждого инородческого ведомства, после длительных и подробных консультаций с ними были составлены два проекта степных законов: один для Иркутской губернии, другой – для Енисейской.

В 1824 г. проекты были представлены генерал-губернатором Восточной Сибири А.С. Лавинским в Сибирский комитет. Специально для рассмотрения

проекта степных законов летом 1825 г. была собрана особая межведомственная комиссия из четырех членов: от Министерства юстиции, Министерства финансов, Министерства внутренних дел и от Сибирского комитета. В ходе обсуждения комиссия выяснила, что проекты степных законов во многих отношениях не сходятся с теми показаниями о степных законах, которые были сделаны самими инородцами, поэтому не признала нужным составлять новый свод и предложила пополнить их показаниями инородцев.

Член комиссии от Сибирского комитета А.П. Величко не согласился с этим заключением и высказал свое особое мнение о том, что проекты степных законов – это не простой свод законов, а сочинение законов, составленное местным начальством. Он заявил о необходимости отмены всех отступлений от Устава, допущенных в проектах Восточной Сибири, и потребовал от составителей основать свой свод на подлинных показаниях почетнейших родовичей. Он предложил: 1) подлинные показания инородцев привести в правовое расположение; 2) из подлинных сведений определить отличия и особенности права каждого племени инородцев; 3) собрать все сведения об управлении инородцев; 4) определить, в какой мере могут быть приняты к применению китайское уложение, составленное для монголов с письменным уложением бурят; 5) с учетом всех собранных сведений составить Свод степных законов [8. Л. 182–182 об.].

В 1831 г. Сибирский комитет направил подготовленный Свод степных законов генерал-губернатору Восточной Сибири А.С. Лавинскому для передачи Иркутскому губернскому переводчику А.В. Игумнову, чтобы тот сравнил их с инородческими степными законами. В 1832 г. А.В. Игумнов представил свои замечания и пояснения к Своду законов, добавив личное мнение по теме.

В 1837 г. пересоставленный Свод степных законов был внесен А.П. Величко в Сибирский комитет. Свод состоял из 540 статей, расположенных в разделах о правах и обязанностях семейственных, правах на имущество, обязательствах по договорам, судопроизводстве. Текст Свода степных законов сопровождался ссылками на подлинные показания инородцев, постановления, указы и т.д. Свод был напечатан в 20 экземплярах и отправлен по местным начальствам. С учетом их замечаний 5 декабря 1838 г. Свод был представлен во II отделение собственной канцелярии М.М. Сперанскому, так как к этому времени Сибирский комитет закрылся.

В 1841 г. дополненный проект Свода степных законов был внесен на рассмотрение Государственного совета. Проект свода 1841 г. по содержанию имел немного отличий от проекта 1836 г., несмотря на увеличение числа параграфов с 540 до 802. Большинство новых положений свода раскрывали содержание каких-либо понятий или терминов, заимствованных из нормативно-правовых актов. Поскольку свод содержал много общих положений из официальных актов, было решено оставить один документ, включив в него так называемые изъятия или частные правила (для отдельных народов или конкретных племен). Каждая

статья свода степных законов содержала общее правило для всех кочевых народов Восточной Сибири и иногда частное для некоторых племен. Общие правила были основаны преимущественно на нормах Российской империи, реже – на актах зарубежных стран или заимствованы из местных проектов Иркутской и Енисейской губерний. Некоторые общие правила вошли в свод без изменений и переработки.

Свод содержал «изъятия», которые устанавливались для определенных племен. Частные правила изменяли общее правило. Иногда «изъятия» допускали использование племенем или общего правила, или частого по своему усмотрению. При анализе содержания свода «Степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири» 1841 г. можно выделить две совершенно противоположные особенности этого источника. С одной стороны, проект был направлен на унификацию норм обычного права народов Сибири, с другой – сохранялся дифференцированный подход по некоторым вопросам [9].

Свод обычаев так и не был принят. Члены совета после многочисленных разногласий по пунктам степных законов пришли к заключению, что их издание в том виде, как предлагал А.П. Величко, следует отложить до лучших времен. 7 октября 1848 г. Министр юстиции сообщил об этом генерал-губернатору Восточной Сибири Н.Н. Муравьеву, который, в свою очередь, согласился с этим заключением, отметив, что обычаи становятся менее востребованными, инородцы все больше обращаются к русскому законодательству [10. Л. 184].

Таким образом, Свод степных законов не был издан и не получил утверждения верховной власти. Причинами стали непоследовательность проводимой работы, отсутствие четких целей и задач, формальный подход к кодификации на местах. На протяжении всей работы разработчики свода пытались учесть существующие нормы российского законодательства, поэтому работа откладывалась до принятия того или иного нормативно-правового акта.

В связи с этим Т. Тобоев, главный тайша Агинской Степной думы, ранее участвовавший в разработке свода степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири, 5 июля 1859 г. пишет письмо военному губернатору Забайкальской области М.С. Корсакову с ходатайством об издании степных законов. По его мнению, издание необходимо, «дабы тем пресечь всякий произвол, нередко допускаемый при разбирательстве дел между инородцами, собственной их расправе представленных, так как изустные предания, на коих должны основываться решения, с течением времени неизбежно получают более и более сбивчивость и неопределенность, служат поводом к произволу судей, заключающим разбирательства по собственным убеждениям, не всегда согласным с преданиями и обычаями племени, через что возникают жалобы и неудовольствия, не менее того затрудняющие по сим причинам справедливое их разрешение» [11. Л. 1–2].

2 апреля 1860 г. с таким же ходатайством об издании свода степных законов обратился Сахар Хамнаев, главный тайша Баргузинской Степной думы. Отсутствие единых законов приводило к затруднениям в решении

дел инородцев и частым случаям возникновения решений с «неудовлетворенностью оными» [Там же. Л. 4 об.].

10 ноября 1860 г. агинские буряты приняли общественный приговор, в котором приняли решение просить военного губернатора Забайкальской области Е.О. Жуковского принять на себя труд употребить со стороны своей «ходатайство об издании для руководства инородцам по означенному проекту степных законов, дабы тем пресечь всякий произвол, нередко допускаемый при разбирательстве дел между инородцами» [Там же. Л. 8–14].

На все ходатайства исправляющий должность Иркутского гражданского губернатора 21 января 1862 г. ответил, что «дело об издании свода степных законов оставлено до особого об нем распоряжения» [Там же. Л. 22].

Вопрос о принятии свода степных законов был вновь поднят в 1863 г. на Совете ГУВС в связи с обсуждением возможности распространения на инородцев судебной реформы. Было принято важное решение, что в делах маловажных по искам необходимо принять меры к введению у них суда на общих началах. В 1864 г. генерал-губернатор М.Н. Корсаков поручил Председателю Енисейского губернского суда В.Н. Булатову изучить и рассмотреть данный вопрос. После тщательного изучения вопроса он пришел к выводу, что для принятия такого решения необходимо провести статистические и этнографические исследования кочевых народов.

В том же году М.Н. Корсаков поручает старшему чиновнику особых поручений Малахову представить свои заключения по судебной части у инородцев, в связи с чем он вернулся к проекту А.П. Величко. Он решил разослать проект степных законов местным губернаторам с тем, чтобы решить, возможно ли его применение в инородческих ведомствах. Однако Министерство государственных имуществ не предоставило ему проекта свода степных законов, и на этом переписка закончилась [12. Л. 187 об.–190].

В 1877 г. вопрос о степных законах был вновь поднят, когда голова хоринских инородцев Ринчинов обратился с просьбой тиражировать проект свода степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири. Оказалось, что это единственный сохранившийся экземпляр. Рассмотрев проект, губернаторы пришли к заключению, что данные, послужившие для составления проекта, совершенно утратили свое значение и потому не могут иметь никакого применения. К такому же выводу пришли и сами инородческие ведомства в своих отзывах.

Таким образом, Свод степных законов сибирских инородцев хотя и был составлен и издан, но получил крайне малое распространение и сделался библиографической редкостью [13. С. 151].

«Степные законы» упоминались в ряде законов, затрагивавших проблемы управления в Сибири, и учитывались, хотя и не всегда, государственными учреждениями при решении дел о правах инородцев.

В проект «Свода степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири» вошли:

1. «Сведения Иркутского уезда Балаганского ведомства братского общества, учиненные собранием от

всех 17 родов родоначальников о законах и обычаях иноверцев».

2. «Иркутского уезда тункинских братских 12 родов ведения главного тайши Зангея Хамакова об образе суждения инородными начальниками в прежнем времени своих подчиненных в предоставляемых им делах».

3. «Выписка о законах и обычаях, об образе суждения Идинского ведомства в 12 родах родоначальниками своих подчиненных в предоставляемых им делах и словесных разбирательствах марта 23 дня 1823 г.».

4. «Выписка» о судопроизводстве между братскими Кудинского ведомства.

5. «Обычаи братских Верхоленского ведомства», которые представляют собой приговор, подписанный тайшей Александром Ертагаевым, его помощником Хурган Убугуровым, 27 родоначальниками и 42 почетными инородцами [14. С. 20].

Б.Д. Цибилов отмечает, что одним из главных источников «Свода степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири» в редакциях 1836, 1841, 1844 г. являлись «Обычаи братских Хоринского ведомства», уложение, принятое 30 марта 1823 г. съездом тайшей, старшин оттоков, зайсанов, шуленг, засулов, «лучших» податных людей в Онинской конторе 11 родов бурят-хоринцев Верхнеудинского округа Иркутской губернии. Обиходное его название – «Хоринское уложение 1823 г.», оно состояло из 12 глав, содержащих 144 статьи. В 1851 г. уложение было обновлено на «полном сейме» Хоринской Степной думы в присутствии почетных лам хоринских дацанов, заседателей думы, голов каждого отока, выборных, старост, доверенных от населения, «лучших» людей и стало состоять из 19 глав (197 статей) [15. С. 11]. В основу «Свода» был положен также «Селенгинский сборник 1823 г.», состоявший из подробного введения и девяти глав, содержащих 180 статей.

Из всех пунктов Свода степных законов официально были приведены в действие только два: § 19 и 485. В первом случае речь шла о предупреждении усилившейся роскоши в свадебных обрядах, а во втором – о прекращении излишних поборов на продовольствие родоначальников, съезжающихся на собрание. Якутское областное правление полагало, что улусным головам, наследным старостам и старшинам положить из земского сбора приличное жалование на содержание при нахождении на общественных собраниях, разъезды и прочие расходы, для чего необходимо производить сборы по приговорам с общества.

Иркутское губернское правление по этому поводу выразило мнение, что такие сборы являются незаконными, поэтому их надо отменить, а инородцам «предоставить удовольствовать себя на сугланах по своей воле, или привоза с собой пищу, или же покупая ее по своему усмотрению на свой счет, а не общественный». Далее правление дало разъяснение, что общественные собрания должны проводиться в три дня, а не в одну-две недели [16. Л. 214–215].

Анализируя характер преступлений и правонарушений, совершенных в инородческих ведомствах, можно их условно сгруппировать по разделам:

- 1) невыполнение долговых обязательств, исковые дела;
- 2) воровство скота, имущества;
- 3) неуплата податей и повинностей;
- 4) бракоразводные дела и связанный с ними раздел имущества;
- 5) оскорбление словами и действиями, причинение увечий;
- 6) захват чужого имущества или земли;
- 7) нарушения паспортного режима;
- 8) убийство;
- 9) преступления, совершенные не на территории управы.

Все вышеперечисленные преступления и правонарушения расследовались инородческими властями, полицией и рассматривались судами 1-, 2- и 3-й степени.

Согласно Уставу инородные управы и родовые управления наделялись правом осуществления суда и судопроизводства. Родовое управление представляло собой первую степень суда словесной расправы, инородная управа – вторую степень, а третью степень составляла местная полиция. Степные думы не имели значения словесных судов, а выступали как посредники. Главная обязанность судов словесной расправы заключалась в прекращении частных разногласий между инородцами и в их примирении на основании «степных законов» и обычаев. Решение суда имело силу, если его участники были удовлетворены им. В случае неудовлетворенности решением суда родового управления или же разбора дела между людьми разных улусов, родов, дело передавалось на рассмотрение суда инородной управы.

Таким образом, все инородческие дела решались в пределах родового управления и инородной управы, при этом инородная управа фактически являлась высшей степенью суда словесной расправы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жалсанова Б.Ц., Курас Л.В. История Баргузинской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия. Иркутск : Отгиск, 2012. 352 с.
2. Жалсанова Б.Ц., Курас Л.В. История Аларской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия. Иркутск : Отгиск, 2015. 352 с.
3. Дамешек Л.М., Жалсанова Б.Ц., Курас Л.В. История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. / отв. ред. Б.В. Базаров. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. 503 с.
4. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Ст. 29126. 1-е собр. Т. 38. СПб., 1830.
5. ПСЗРИ. 2-е собр. Отд-е 1. Т. 27.
6. ПСЗРИ. Ст. 2770. 3-е собр. Т. 5. СПб., 1887.
7. Государственный архив Республики Бурятия (далее – ГАРБ). Ф. 7. Оп. 1. Д. 19.
8. Государственный архив Иркутской области (далее – ГАИО). Ф. 24. Оп. 9. К. 2687. Д. 23.

9. Наумкина В.В. Обычное право кочевых народов Восточной Сибири в правовой системе Российского государства : автореф. ... д-ра юрид. наук. М., 2010.
10. ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. К. 2687. Д. 23.
11. Государственный архив Забайкальского края (далее – ГАЗК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 446.
12. ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. К. 2687. Д. 23.
13. Дружинин Н.П. Общедоступное руководство к изучению законов. М. : Типо-литогр. Рус. тов-во печ. и изд. деят., 1904. 152 с.
14. Цибилов Б.Д. Обычное право селенгинских бурят. Улан-Удэ : Бурят. книж. изд-во, 1970. 282 с.
15. Обычное право хоринских бурят: памятники старомонгольской письменности : пер. с монг. Новосибирск : Наука, 1992.
16. ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 277.

Статья представлена научной редакцией «История» 8 февраля 2016 г.

RUSSIAN LEGISLATION ON THE COURT AND LEGAL PROCEDURE IN THE BURYAT SOCIETY IN THE 19TH CENTURY AND THE BURYAT LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 406, 108–112.

DOI: 10.17223/15617793/406/17

Kuras Leonid V. Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, SB RAS (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: kuraslv@yandex.ru

Zhalsanova Butit T. State Archive of the Buryat Republic (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: butit62@mail.ru

Keywords: Charter by Speransky M.M.; court and legal procedure among the Buryats; foreign self-government; the Digest of Steppe laws.

The revival of Russian traditions of local self-government authorities began since the enactment of Federal Law 131-FL “On common principles of organization among the local self-government authorities in the Russian Federation” of October 6, 2003. The implementation of the reform revealed a lot of problems in local self-government, such as financial dependence, imbalanced financial and economic basis, questions in separation of powers in social policy, lack of interaction among the state authorities, weak consideration of the national peculiarities of the regions and others. As a result of it, the appeal to the historical experience of the past has become important nowadays. As a part of history of the local self-government authorities in the Russian State, the investigation of foreign self-government in Siberia has also become relevant. Foreign self-government was established by the Charter on Management of Foreigners (1822) for Siberian peoples (the Buryats, the Khakass, the Yakuts and the Tungus). Generalization of the historical experience of local self-government, studies of the history of formation, development and activities of the local self-government of the Buryats in the 19th – early 20th cc. is of importance for modern society in terms of a successful realization of the reforms related to local self-government. The issue of the local self-government of the Buryats has been covered in contemporary Russian source studies and historiography. The most relevant is the appeal to the historical experience of the legal system among aboriginal peoples, on this occasion it is the court system of the Buryats which is based on the common law standards. Before the annexation of Buryatia to Russia all kinds of crimes and offences among the Buryats were regulated with the common law standards. Since that period the influence of Russian legislation was intensifying gradually. Then, with the help of the *Instruction for the Border Guards* (1728) for Firsov and Mikhalev who were under the rule of Count Vladislavich-Raguzinskiy, so-called “criminal cases” were withdrawn from the jurisdiction of non-Russian authorities. According to the Charter foreign councils and patrimonial administrations had the right to conduct trials and legal procedures. Patrimonial administrations were the first level of the court in verbal punishment, foreign councils the second level, and local police the third level. The Steppe Duma was not a verbal court, it was considered as mediators. The main responsibility of verbal courts was in settling private disputes between foreigners and in their reconciliation on the basis of “the steppe laws” and customs. The decision of the court had the power if all participants were satisfied with it. In case of an unsatisfactory legal decision of patrimonial administrations or of a dispute between people of different uluses and kins, the case went to the court of a foreign council.

REFERENCES

1. Zhalsanova, B.Ts. & Kuras, L.V. (2012) *Istoriya Barguzinskoy Stepnoy dumy v dokumentakh Gosudarstvennogo arkhiva Respubliki Buryatiya* [History of the Barguzinsk Steppe Duma in the documents of the State Archive of the Republic of Buryatia]. Irkutsk: Ottisk.
2. Zhalsanova, B.Ts. & Kuras, L.V. (2015) *Istoriya Alarskoy Stepnoy dumy v dokumentakh Gosudarstvennogo arkhiva Respubliki Buryatiya* [History of the Alarsk Steppe Duma in the documents of the State Archive of the Republic of Buryatia]. Irkutsk: Ottisk.
3. Dameshek, L.M., Zhalsanova, B.Ts. & Kuras, L.V. (2013) *Istoriya organov mestnogo samoupravleniya buryat v XIX – nachale XX v.* [The history of local governments in the 19th – early 20th centuries]. Irkutsk: Irkutsk State University.
4. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 38. Art. 29126. St. Petersburg: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. Kantselyarii.
5. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. 27. Pt. 1. St. Petersburg: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. Kantselyarii.
6. Russian Empire. (1887) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 3. Vol. 5. Art. 2770. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
7. State Archive of the Republic of Buryatia (GARB). Fund 7. List 1. File 19. (In Russian).
8. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 24. List 9. K. 2687. File 23. (In Russian).
9. Naumkina, V.V. (2010) *Obychnoe pravo kochevykh narodov Vostochnoy Sibiri v pravovoy sisteme Rossiyskogo gosudarstva* [Common law of the nomadic peoples of Eastern Siberia in the legal system of the Russian state]. Law Dr. Diss. Moscow.
10. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 24. List 9. K. 2687. File 23. (In Russian).
11. State Archive of Zabaykalsky Krai (GAZK). Fund 1. List 1. File 446. (In Russian).
12. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 24. List 9. K. 2687. File 23. (In Russian).
13. Дружинин, Н.П. (1904) *Obshchedostupnoe rukovodstvo k izucheniyu zakonov* [Public Guide to the study of law]. Moscow: Tipo-litografiya Russkoe tovarishchestvo pechatnoy i izdatel'skoy deyatelnosti.
14. Tsibikov, B.D. (1970) *Obychnoe pravo selenginskikh buryat* [Common law of Selenga Buryats]. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo.
15. Buryat Institute of Social Sciences. (1992) *Obychnoe pravo khorinskikh buryat: pamyatniki staromongol'skoy pis'mennosti* [Common law of Horinsk Buryats: monuments of the Old Mongolian writings]. Translated from Mongolian by B.D. Tsibikov. Novosibirsk: Nauka.
16. State Archive of the Republic of Buryatia (GARB). Fund 5. List 1. File 277. (In Russian).

Received: 08 February 2016